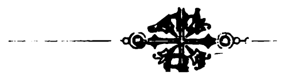
БИБЛІОТЕКА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

1906 г. — № 3.

В. Н. Фигнеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. А. Гольдберга, Лиговская, 57.

1906.

Вмѣсто предисловія *).

... Посылаю вамъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній. Я выбрала лучшія, вѣрнѣе сказать—тѣ, которыя казались такими мнѣ и моимъ товарищамъ по заключенію, хотя они одобряли и многія другія, вѣроятно, изъ снисходительности къ автору. Штукъ семь уже были въ печати въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ и, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, нравились, быть можетъ, какъ характерныя для тюремнаго настроенія, а быть можетъ, изъ интереса къ автору, такъ какъ публика относится ко всѣмъ намъ съ такой сердечной теплотой и вниманіемъ, что чувствуешь себя положительно подавленной сознаніемъ, что на такую любовь, на такое горячее отношеніе надо-бы отвѣтить чѣмъ-нибудь громаднымъ, какимъ-нибудь подвигомъ,—а удастся-ли въ жизни оплатить дѣятельностью то, что дано больше всего пассивнымъ перенесеніемъ заточченія?..

... Признаюсь, къ художественному значенію моихъ стиховъ я отношусь отрицательно. Настоящее мѣсто имъ было бы, кажется, въ воспоминаніяхъ о Шлиссельбургской крѣпости. Написанные часто въ порывѣ горести, въ слезахъ при воспоминаніи о матери и сестрѣ или объ умершихъ товарищахъ,—быть можетъ, онѣ и представили бы тамъ извѣстный интересъ, а внѣ мемуаровъ—каковъ удѣльный вѣсъ ихъ?..

Впрочемъ, и душевныя настроенія стихи эти отражаютъ далеко неполно. Нѣкоторыя стихотво-

*) Изъ письма Вѣры Николаевны къ П. Ф. Якубовичу.

ренія я забыла и возстановить не могу; другія, быть можетъ, и весьма характерныя для тюрьмы, очень слабы по формѣ. Конечно, только истинный поэтъ могъ-бы воплотить въ звуки всѣ фазы ярости, остраго какъ ножъ отчаянія и настоящей душевной агоніи, все, что было пережито въ разные періоды 22-лѣтія. Чего-чего не было за это время! И настроеніе христіанской мученицы, готовой все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клѣтку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неутолимаго желанія свободы... и безконечная снѣжная пелена, когда все застыло, все успокоилось, и началось существованіе „безъ настроенія", безъ остраго страданія, безъ мукъ отъ сознанія своихъ силъ и своего безсилія, когда думалось, что уже „свершилась судьба", и единственный исходъ — смерть, естественная, спокойная, съ блѣднымъ утѣшеніемъ, что ляжешь рядомъ съ тѣми, кто умеръ раньше, и заслужишь такое-же теплое чувство, которое самъ питаешь къ дорогимъ покойникамъ.

... И вдругъ! опять ударъ въ замкнутую дверь... стукъ жизни, призывающій: „Возстань и гряди!" Ахъ, П. Ф., когда человѣкъ уже рѣшилъ, что все кончено, и примирился съ этимъ, отказался жить, то быть вновь разбуженнымъ крикомъ „живи!"— это цѣлая трагедія, мука, отъ которой даже и сейчасъ я не могу еще освободиться... Но не буду ужъ писать объ этомъ.

... Въ концѣ сборника можно бы помѣстить „Пали всѣ лучшіе", посвященное погибшимъ въ заключеніи товарищамъ. Это и хронологически—послѣднее стихотвореніе; послѣ него источникъ изсякъ...

Колыбельная пѣснь.

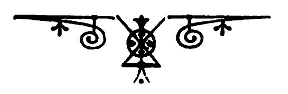
Милый узникъ, спи спокойно,
Баюшки-баю!
Если сердце безпокойно,
Хочешь—пѣснь спою?
Ты боролся за свободу
И гнѣзда не вилъ;
Счастья ты желалъ народу,
Для себя не жилъ.
Зналъ ты въ жизни узы братства,
Но семьи—не зналъ!
Ни почета, ни богатства
Въ жизни не стяжалъ.
Если жизни не отняли —
Ты ли виноватъ?
А за подвигъ если-бъ взяли—
Былъ бы счастливъ, братъ!
Есть преданіе сѣдое,
Что когда-то встарь
Испытать бойца-героя
Вздумалъ хитрый царь.
И послалъ онъ дорогія
Ткани и парчи,
Жемчугъ, кубки золотые,
Стрѣлы и мечи.
Не прельстился витязь златомъ
И не взялъ жемчугъ,

Но плѣнился онъ булатомъ—
    Выбралъ мечъ да лукъ...
Предъ тобой судьба стояла,
    Полна тайныхъ чаръ:
Все, что любо, предлагала...
    Что-жъ ты выбралъ въ даръ?

. . . .

Мно́го-ль, мало ли ты сдѣлалъ—
    Что судить, рядить?
Чашу жертвъ ты всю извѣдалъ—
    Будутъ ихъ цѣнить!
Идеальное стремленье
    Съ нами не умретъ!
Молодое поколѣнье
    Съ насъ примѣръ возьметъ.
Спи же узникъ, спи спокойно,
    Баюшки-баю!
Если-жъ сердце безпокойно—
    Брось ты пѣснь мою!..

1888 г.

* * *

Намъ выпало счастье—всѣ лучшія силы
Въ борьбѣ за свободу всецѣло отдать...
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дѣло народа терпѣть и страдать!..
Терпѣть безъ укоровъ, страдать безъ проклятій,
Спокойно и скромно въ тиши угасать,
Но тихимъ страданьемъ своимъ—юныхъ братій
На бой за свободу и равенство звать!

1887 г.

* * *

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ, кого любишь, увидишь, обнимешь,
То не забудь мою мать!
Ради всего, что есть въ жизни святого,
Чистаго, нѣжнаго, намъ дорогого,
Дай обо мнѣ ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удѣла иного—
Всѣмъ идеаламъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь въ первое время:
Страшной разлуки тяжелое бремя,
Думала, сломитъ меня.
Но не сломило... Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю
Мать дорогую обнять!..
Мать не прошу я любить: сердце чуетъ,
Что и безъ просьбъ она любитъ, горюетъ,
Образъ мой въ сердцѣ хранитъ.
Но пусть не плачетъ, меня вспоминая:
Я весела... я бодра... Пусть родная
Горемъ себя не томитъ!
Пусть лишь въ молитвахъ меня поминаетъ,
Пусть лишь крестомъ издали осѣняетъ—
Дочь трудный путь да свершитъ!..

1887 г.

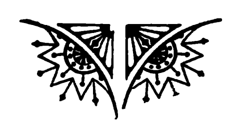

* * *

Вотъ деревня... вотъ домъ... Къ небесамъ
Поднимаются стройныя ивы...
Змѣйкой вьется рѣка по лугамъ,
А кругомъ разстилаются нивы...
Не затѣйливъ пейзажъ, и не разъ
Я видала красивѣй картину!
Но привычный и любящій глазъ
Все рисуетъ тотъ домъ, ту равнину.
Сколько лѣтъ я ужъ тамъ не была!
Но знакомо тамъ все, и все мило:
Тамъ я дѣтство свое провела,
Тамъ училась, росла и шалила...
Этотъ домъ ужъ давно опустѣлъ
И стоитъ, молчаливъ, какъ гробница...
А когда-то онъ смѣхомъ звенѣлъ,
И мелькали въ немъ милыя лица.
На каникулы шумной толпой
Мы въ родное гнѣздо прилетали...
Шаловливой, веселой гурьбой
Мать съ отцомъ, какъ вѣнкомъ окружали...
Тамъ я первую книжку прочла:
Мысль и чувство надъ ней пробудились...
Тамъ же послѣ цѣль жизни нашла—
Идеалы въ душѣ зародились...
Въ тѣхъ мѣстахъ услыхала впервой
Я горячія рѣчи признанья...

Тамъ мнѣ братъ положилъ золотой
Въ башмачекъ предъ обрядомъ вѣнчанья..
Тамъ добру и наукѣ съ сестрой
Свою жизнь посвятить мы рѣшились
И, судьбу вызывая на бой,
Надъ отцовской могилой склонились...
Мудрено ли, что эти мѣста
Сердцу дороги, въ памяти живы?..
И въ душѣ не смолкаетъ мечта—
Еще разъ услыхать шелестъ ивы.

1888 г.

Сестрѣ.

Въ тюрьмѣ Шлиссельбургской, въ казармѣ глухой,
Среди дисциплины и будничной прозы,
Я все вспоминаю тѣ чудныя розы,
Что ты принесла въ дни суда надо мной.

—

Прекрасны и свѣжи тѣ были цвѣты—
Отъ чистаго сердца дарила ихъ ты...
И нѣжно, казалось, шептали они
О волѣ, о счастьи въ тѣ скорбные дни..

—

Скажи-жъ, почему иногда такъ тосклива
Мнѣ память объ этихъ прелестныхъ цвѣтахъ?
Должно быть, была я глубоко-счастлива,
Читая любовь въ твоихъ милыхъ глазахъ!

—

Теперь же не вижу я ласки твоей...
И чувствомъ тяжелымъ сжимается грудь,
Когда, отвернувшись отъ стражи моей,
Я слезы о розахъ спѣшу отряхнуть!

—

Но все-жъ хорошо, что ты ихъ подарила,
Что есть здѣсь, порою, о чемъ помечтать...
Послѣднія въ жизни ты розы вручила—
Да будетъ за то надъ тобой благодать!

1888 г.

* * *

Милые, дальніе дѣтскіе годы!
Вы, какъ весенніе нѣжные всходы—
Любо на раннюю нивку взглянуть,
Взоромъ усталымъ на васъ отдохнуть!

—

Ровною бархатной вы пеленою
Стелетесь въ синей дали предо мною,
Свѣжіе, чистые... Что, какъ не васъ,
Мнѣ рисовать здѣсь въ мучительный часъ?

—

Тамъ, вдалекѣ, нѣтъ борьбы и тревоги...
Тамъ не заказаны жизни дороги...
Міръ необъятный съ привѣтомъ глядитъ,
Счастье и радость въ грядущемъ сулитъ...

—

О, благодать!.. Тамъ въ душѣ нѣтъ томленій,
Ярости взрывовъ, враждебныхъ стремленій...
Тихо на сердцѣ, въ душѣ нѣтъ страстей—
Ясная зоренька брезжется въ ней!...

—

Муки страданья, потери, печали
Ядомъ горячимъ на сердце не пали—
Свѣтелъ, здоровъ еще дѣвственный умъ,—
Нѣтъ на душѣ тяготѣющихъ думъ!..

* * *

Прощальный взглядъ сестры любимой
Доселѣ въ сердцѣ я храню:
Тотъ взглядъ любви невыразимой
Съ собой и въ землю схороню!

Казалось, въ трудный часъ разлуки
Всѣ чувства вдругъ проснулись въ ней
И сердца любящаго муки
Отозвались въ душѣ моей...

Въ надеждѣ увидаться снова,
Ушла... не оглянулась мать!
Сестра-жъ осталась у порога,
Чтобъ этотъ взглядъ послѣдній дать.

Со взоромъ, полнымъ состраданья,
Въ глубокой скорби и тоскѣ,
Безмолвнымъ символомъ страданья
Въ тотъ мигъ она казалась мнѣ.

Когда бы поднялъ надо мною
Палачъ на плахѣ свой топоръ,
Едва ли-бъ съ большею тоскою
Смотрѣлъ тотъ жгучій скорбный взоръ!

И стало на́ сердцѣ мнѣ жутко—
А все въ дверяхъ стоитъ она...
Но вотъ одна, одна минутка—
И связь живая порвана...

Дверь заскрипѣла, закачалась
И хлопнула въ послѣдній разъ...
За ней все та же скорбь осталась,
Но не видать ужъ скорбныхъ глазъ!

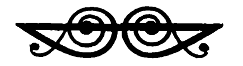
1887 г.

Къ Л. А. Волкенштейнъ.

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...
Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей,
Братство славное мнѣ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы—
Силы сердца ему отдавала:
Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ,
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день разсчета одной мнѣ предстать
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ,
Между новыхъ людей одинокою стать
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
Равнодушно я руку пожала?

Жизнь кончалась, и ночь надо мной
Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что со мной ты войдешь
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя,
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, трудное время!

*
* *

Ахъ, повѣришь ли ты, что отъ шутки порой
Не улыбка лицо озаряетъ,
А сжимается сердце тяжелой тоской
И слеза на глаза набѣгаетъ...
    Отчего же бываетъ отъ шутки больнѣй
    Въ обстановкѣ суровой неволи—
    Я не знаю... Контрастъ поражаетъ ли въ ней?
    Равнодушіе слышится, что-ли?..
Только часто крѣпишься, чтобъ слезы сдержать,
И хоть трудно, но все-жъ удается...
А придется шутливую рѣчь услыхать—
И наружу все горе прорвется...
    Многосложна душа: много мѣстъ въ ней больныхъ,
    Не одна къ нимъ дороженька вьется...
    Взять захочешь аккордъ, полный звуковъ живыхъ,
    А глядишь—диссонансъ раздается!
Такъ повѣрь же ты мнѣ, что отъ шутки порой
Не улыбка лицо озаряетъ,
А сжимается сердце тяжелой тоской
И слеза на глаза набѣгаетъ.

*
* *

На небѣ солнышко играетъ,
Бѣжитъ узоръ изъ облаковъ,
И вѣтеръ тихо колыхаетъ
Головки бѣлыя цвѣтовъ.
Въ тюрьмѣ простора нѣтъ большого:
Вездѣ стѣна, песокъ, заборъ...
Клочокъ лишь неба голубого
Да тѣ цвѣты ласкаютъ взоръ.
Порой, съ тоскою затаенной,
На это небо поглядишь
И взоръ, со всѣхъ сторонъ стѣсненный,
На тѣ цвѣты вновь обратишь.
Цвѣты простые, полевые
Взросли случайно—три куста.
Да, только три... Но все-жъ родныя
Они рисуютъ мнѣ мѣста!..
И мнится мнѣ село родное,
Небесъ свободныхъ синева
И лугъ любимый за рѣкою,
Его цвѣты, его трава!..
Какъ хорошо въ травѣ душистой
Въ безпечной нѣгѣ полежать,
Смотрѣть на сводъ лазури чистой,
Слѣдя за облачкомъ, мечтать!..
На небѣ солнышко играетъ,
Изъ облаковъ узоръ плыветъ,
Цвѣтами вѣтеръ колыхаетъ —
И шелестъ по лугу идетъ!..

* * *

Склонясь задумчиво, рукой
Песокъ я здѣсь перебираю...
И увлекаюсь я мечтой,
И въ міръ иной перелетаю!
Вдали отъ стѣнъ тюрьмы глухой
Песокъ мой прежде разстилался;
На берегу рѣки большой
Онъ на просторѣ красовался.
Кругомъ стоялъ сосновый лѣсъ,
Вѣтвями темными качая,
А необъятный сводъ небесъ
Сіялъ, весь берегъ озаряя.
И день, и ночь съ рѣчной волной
Тамъ золотой песокъ шептался...
Въ полдневный зной и въ часъ ночной
Съ ней поцѣлуями мѣнялся...
Теперь же съ грустью о волнѣ
И о просторѣ онъ вздыхаетъ,—
И берегъ свой рисуетъ мнѣ
И въ міръ свободы увлекаетъ...
И мнится мнѣ —то берегъ Цны,
Зеленый сводъ сосны душистой,
То синій валъ морской волны
И берегъ Крыма золотистый.

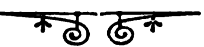
Пасхальная ночь.

Сегодня въ ночь по городамъ,
По селамъ, скромнымъ деревнямъ,
Повсюду громкій звонъ идетъ —
Онъ въ храмъ торжественно зоветъ...
И тамъ, средь тысячи огней,
Блестящихъ ризъ, лампадъ, свѣчей
Крестъ золотой всѣхъ осѣнитъ
И гимнъ прекрасный прозвучитъ
Глубоко-радостной волной
Надъ умиленною толпой...
Въ томъ храмѣ съ праздничнымъ лицомъ
Когда-то въ дѣтствѣ предъ крестомъ
И мы стояли... и съ толпой
Своей сливалися душой...

. . . .

Хоругвь, молитва, Божій храмъ—
Все позабыто, чуждо намъ...
Но чуть лишь звонъ тотъ къ намъ дойдетъ—
Онъ все забытое вернетъ
И тянетъ вновь съ толпою быть,
Одною жизнью съ нею жить!
Туда, въ веселый міръ огней,
Гдѣ праздникъ... свѣтъ... гдѣ нѣтъ тѣней...
И пусть ужъ въ сердцѣ вѣры нѣтъ—
Въ немъ чувства дѣтскаго есть слѣдъ!

1889 г.

* * *

Въ минуты покоя иль проблеска счастья,
Когда есть надежда на жизнь впереди,
Полно наше сердце любви и участья—
Привѣтомъ и ласкою бьется въ груди.

—

Всѣ люди, какъ будто, намъ братья родные.
Готовы мы страждущихъ бремя поднять...
Находятъ въ насъ откликъ печали чужія,
Хотѣли-бъ скорбящихъ мы къ сердцу прижать!

—

Для всѣхъ у насъ нужное слово найдется:
Съ горячею силой оно прозвучитъ...
И сердце больное ровнѣе забьется,
Когда къ нему братскій привѣтъ долетитъ!

—

Въ душѣ—словно чистый родникъ, что струею
Прозрачной изъ нѣдръ земли-матери бьетъ,
И жаждущихъ всѣхъ напояетъ собою,
И всѣмъ свою тихую пѣсню поетъ.

—

Въ минуты же тяжкихъ душевныхъ терзаній
Любовь исчезаетъ въ груди безъ слѣда:
Смолкаетъ въ ней все, кромѣ личныхъ страданій—
И людямъ нѣтъ доступа къ сердцу тогда...

—

Уже не срывается слово живое
При видѣ людскихъ испытаній и бѣдъ,
И сердце, къ чужому несчастью глухое,
Даетъ лишь сухой, безучастный отвѣтъ...

—

Въ такія минуты и другъ нашъ любимый
Напрасно за лаской обычной придетъ—
Уйдетъ онъ, все тою же жаждой томимый,
У насъ утѣшенья себѣ не найдетъ...

—

Такъ путникъ, порою, въ степи тщетно ищетъ
Знакомый родникъ и къ землѣ припадетъ:
Онъ въ руслѣ засохшемъ лишь камень отыщетъ,
Песокъ раскаленный одинъ лишь найдетъ...

1890 г.

Библія.

Книга прекрасная! Повѣсть народная
Краткаго блеска, немногихъ побѣдъ
И безконечная лѣтопись скорбная
Горя, страданій и бѣдъ!..
Въ мукахъ томленія, въ скорби паденія
Древній народъ, какъ живой, возстаетъ...
Кончено все—для него нѣтъ спасенія!
Чаша полна—и онъ гибель найдетъ!
Онъ же, разбитый, несчастный, отверженный,
Въ прахъ предъ людьми и предъ Богомъ повер-
женный,
Все еще вѣритъ и все еще ждетъ...
Вѣритъ съ надеждою, ждетъ съ упованіемъ,
Что за тяжелымъ и долгимъ страданіемъ
Часъ его славы и блеска придетъ!
Чудная повѣсть! Въ ней сердцемъ страдающій
Кроткій покой обрѣтетъ:
Жгучее горе въ душѣ изнывающей
Смолкнетъ... на время заснетъ...
Власть непонятная, сила волшебная
Древнимъ словамъ этой книги дана!
Въ мукѣ народной есть сила цѣлебная—
Сердце больное врачуетъ она!

1888 г.

* * *

Словно осенній туманъ надо мной
Темный покровъ разстилаетъ,
Смутно-неясной, тяжелой волной
Душу мою заливаетъ.
Все пеленою своею прикрылъ
Всѣ очертанія сгладилъ,
Яркія краски и образы смылъ,
Сѣрую мглу лишь оставилъ.
Тяжкой кручиной она налегла
На сердце, грудь придавила,
Саваномъ чувства мои облекла,
Силы къ землѣ приклонила.
Тщетно хочу я туманъ разогнать,
Сбросить, стряхнуть мглу сѣдую,
Тщетно хочу силой воли сломать
Въ сердцѣ кручину глухую!
Нѣтъ силы воли... энергіи нѣтъ...
Никнетъ мой духъ предъ печалью...
И среди тучъ не является свѣтъ
Съ ясно-лазоревой далью.
Позднею осенью въ пасмурный день
Тучъ дождевыхъ не разсѣять;
Мглу и туманъ, и печальную тѣнь
Въ сердцѣ больномъ не развѣять!..

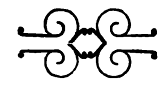
1892 г.

* * *

Тихій твой привѣтъ нежданный
Мысль и чувство пробудилъ,
Но покровомъ мглы туманной
Онъ мнѣ душу осѣнилъ.
Поздней осенью, порою,
Такъ по лѣсу пробѣжитъ
Тихій вѣтеръ и листвою
Пожелтѣвшей зашумитъ.
Тотъ осенній вѣтеръ дальній,
Тѣ умершіе листы
Говорятъ, какъ другъ печальный,
Какъ увядшія мечты...
Грустно станетъ поневолѣ...
Бросишь взглядъ вокругъ и вдаль·
Все мертво—и лѣсъ, и поле,
И наводитъ все печаль...
Свѣтовые переливы
Въ желтыхъ листьяхъ ловитъ взоръ,
А въ душѣ вьютъ прихотливо
Мысль и чувство свой узоръ.

1889 г.

Къ ребенку.

Въ простомъ и легкомъ ты нарядѣ,
Румянецъ на щекахъ горитъ...
Пытливый умъ горитъ во взглядѣ
И сердце чудное сулитъ.

Кругомъ весны благоуханье...
Въ саду всѣ яблони въ цвѣту...
И птичекъ гамъ, и пчелъ жужжанье,
И свѣтъ, и тѣни на лугу...

Здорова ты, рѣзва, счастлива,
Легко тебѣ среди цвѣтовъ...
И звонкій смѣхъ звучитъ игриво
То здѣсь, то тамъ, среди кустовъ.

Но въ восемь лѣтъ не все-жъ рѣз-
виться,
И хочешь умницей ты быть:
На часъ готова ты смириться,
Надъ книжкой голову склонить...

И вотъ ты въ комнатѣ и важно
„Слона и Моську" говоришь,
Иль ручкой маленькой отважно
Кривыя А и Б чертишь.

А ввечеру ты вся—вниманье:
Тебѣ разсказъ читаютъ вслухъ...
Въ немъ, повѣствуя о страданьи,
О трудной долѣ, дѣтскій другъ

От голода въ борьбѣ съ нуждою
Швею заставилъ умирать...
И слышу—съ дѣтскою тоскою
Ты громко начала рыдать!

1888 г.

* * *

Ужели, товарищъ, обида проходитъ
Въ душѣ мимолетною лѣтней грозой,
И ясное теплое солнышко всходитъ,
Какъ прежде, за бурей, надъ нашей душой?!

Ужели же бури деревъ не сгибаютъ,
Вѣтвей не калѣчатъ и листьевъ не мнутъ?
Ужели обиды души не ломаютъ
И лучшія чувства не рвутъ?

1891 г.

Памяти Баранникова.

Зачахъ ты въ страданьяхъ неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Достоинъ былъ лучшей ты доли,
Мечталъ ты о смерти иной.

—

Тебя въ равелинѣ сокрыли—
Нашли неудобнымъ казнить...
Но жизнь лишь затѣмъ подарили,
Чтобъ медленной пыткой убить!

—

Съ душою отважной и страстной,
Для бурь ты былъ созданъ и грозъ:
Погибнуть на битвѣ опасной
Мечту ты въ могилу унесъ.

—

Ты не былъ апостоломъ слова,
Героемъ болтливой толпы...
Съ душою закала иного,
Искалъ ты и жаждалъ борьбы!..

—

Поборникъ свободы и чести
Въ странѣ милліоновъ рабовъ,
Казался ты ангеломъ мести,
Вождемъ непокорныхъ духовъ..

—

Съ прекраснымъ лицомъ горделивымъ,
Съ рукою, поднятой на месть,
Впередъ ты стремился съ призывомъ:
„Побѣда!.. Побѣда—иль смерть!“

* * *

Мнѣ дерево снится въ лѣсу иногда—
Подрублено вплоть до средины...
Его древесина, какъ прежде, тверда,
Да нѣтъ ужъ почти сердцевины.
Глубоко топоръ безпощадный рубилъ,
И черная рана зіяетъ...
До самаго сердца металлъ доходилъ,
И червь его дѣло кончаетъ.
Кудрявая зелень, какъ прежде, пышна,
Но яркій листокъ ужъ блѣднѣетъ,
И медленнѣй катится жизни волна,
И медленно сила слабѣетъ...
Кругомъ, какъ и прежде, тѣснятся толпой
Могучіе дубы, какъ братья,—
Сплетаясь вершинами въ чащѣ лѣсной,
Къ нему протянули объятья.
И солнце надъ нимъ, какъ и прежде, блеститъ,
Лучами его согрѣвая,
И вѣтеръ, какъ прежде, въ листвѣ шелеститъ,
Неясную пѣснь напѣвая.
Но что изъ того?.. Сила жизни взята
И въ сердцѣ энергія тухнетъ...
И червь его точитъ, и въ немъ пустота...
— Ужели воспрянетъ, не рухнетъ?!

1889 г.

*
* *

Прости меня, мой другъ, и знай,
Что создана я прихотливой,
И горячо не принимай
Ты каждый мой порывъ строптивый.
Кротка бываю я порой,
Проста, любезна и сердечна...
Но берегись, другъ милый мой,—
Та доброта не долговѣчна.
Пришла другая полоса:
На душу словно тѣнь упала –
Не свѣтятъ ласково глаза,
Какъ будто дымка ихъ заткала.
Строга, надменна, холодна,
Ко всѣмъ придирчива, сурова,
Чувствъ непріязненныхъ полна,
Разбить, попрать я всѣхъ готова!
Напрасно умъ тогда твердитъ:
„Вѣдь человѣкъ же предъ тобою,
Навѣрно, сердце въ немъ болитъ!..“
Безсильна я предъ волей злою.
Но миновалъ ненастный день—
На утро солнце выплываетъ
И гонитъ сумрачную тѣнь...
Мой добрый геній побѣждаетъ:
И стыдно мнѣ... и жаль людей...
Зачѣмъ ихъ мучила, терзала?
Зачѣмъ суровостью своей

Страдалъ душою заставляла?
И чувства добраго порывъ,
Проснувшись разъ, все наростаетъ,
Пока, всю силу истощивъ,
Въ другую крайность не бросаетъ.
Такъ, безконечной чередой
Въ груди моей два чувства бьются:
Капризно-нервною волной
Впередъ бѣгутъ и вспять несутся,

1892 г.

*
* *

Порой въ тоскливую неволю
Живая книжка попадетъ
И вдругъ поманитъ за собою
И въ жизнь людскую увлечетъ.
Борьба и трудъ, къ добру стремленье,
Любовь и радости людей
И ихъ страданья, ихъ мученья
И горечь ѣдкая страстей—
Все воскресаетъ предъ глазами
Въ картинахъ, въ образахъ живыхъ,
Рисуясь яркими чертами
Въ однообразьи дней глухихъ.
И чуешь въ мертвомъ снѣ застоя,
Томящей душу пустоты,
Какъ будто, вѣянье живое
Надеждъ иль призрачной мечты...
Склонясь надъ книгой, забываешь
Свой тѣсный міръ, тюрьму, себя...
Съ чужой душой свою сливаешь,
Съ ней ненавидя, съ ней любя!..
И тою властью силы дивной,
Что мы сочувствіемъ зовемъ,
Въ минуты тѣ, хотя фиктивной,
Но все же жизнью мы зовемъ.

1892 г.

* * *

Ужъ двадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ,—
И жду суда я, словно милость:
Измѣнятъ скоро силы мнѣ—
Страданьемъ сердце истомилось.
Лишь какъ-нибудь бы дотянуть,
Съ лицомъ спокойнымъ появиться,
На судей холодно взглянуть
И снова въ кельѣ схорониться!
Не смерти жду я отъ суда:
Я знаю—жизнь онъ мнѣ оставитъ...
Но мертвенный покой тогда
Въ душѣ взволнованной настанетъ.
Вошла съ расшатанной душой
Я въ эти сумрачныя стѣны,
И прогремѣлъ въ нихъ, вслѣдъ за мной,
Гулъ торжествующей измѣны...
Сюда съ собой я принесла
Тяжелыхъ дней воспоминанья,
Но здѣсь всю горечь испила
Безмолвной муки и страданья.
Здѣсь, за тюремною стѣной,
Могу теперь я оглянуться—
Надъ разоренною душой,
Въ тоскѣ, глубоко содрогнуться...
Одна я здѣсь, наединѣ,
Не надо лгать и притворяться;
Въ глаза никто не смотритъ мнѣ,
И скорби я могу отдаться.

Кругомъ души живой здѣсь нѣтъ:
Не растопчу ничьи я грезы!
Не грянутъ здѣсь отъ стѣнъ въ отвѣтъ
Ни крикъ отчаянья, ни слезы!
Гнетъ вывѣсокъ и кличекъ спалъ,
Освободился умъ стѣсненный,
И человѣкъ во мнѣ возсталъ,
Подавленный и угнетенный...
И все, что въ глубинѣ души,
На самомъ днѣ ея, таилось
Среди таинственной тиши—
Грозою страстной разразилось.
Такъ, переполнясь до краевъ,
Рѣка изъ русла выступаетъ
И, разломавъ покровъ изъ льдовъ,
Луга и нивы затопляетъ.

1884 г.

*
* *

Когда въ неудачахъ смолкаетъ борьба,
И жизнь тяготитъ среди травли жестокой,
На помощь, какъ другъ, къ намъ приходитъ судьба,
Въ тюрьмѣ предлагая пріютъ одинокій.
Съ умомъ утомленнымъ, съ душою больной,
Въ живую могилу мы сходимъ
И полный поэзіи миръ и покой
Въ стѣнахъ молчаливыхъ находимъ...
И жгучее чувство въ груди день за днемъ
Подъ каменнымъ сводомъ стихаетъ,
Какъ солнца палящаго лучъ за лучемъ
Въ вечерней зарѣ потухаетъ.
И чудится, ночь разлилась надъ землей
И вѣетъ въ лицо намъ прохладой,
И, зноемъ измучены, воздухъ сырой
Вдыхаемъ мы съ тайной отрадой.
И пусть намъ придется въ тюрьмѣ пережить
Рядъ новыхъ тяжелыхъ страданій,—
Для сердца людского родъ мукъ измѣнить—
Нерѣдко предѣлъ всѣхъ мечтаній!

1890 г.

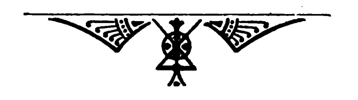
* * *

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли...

Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ.
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранитъ...

Были свидѣтелемъ волны кипучія,
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ!

1897 г.

Изъ письма къ архангельскимъ ссыльнымъ.

Дорогіе товарищи! Я получила ваши привѣтствія и сердечно благодарю за нихъ. Сказать вамъ, что я тронута ими—было бы сказать слишкомъ мало: онѣ пробуждаютъ цѣлую волну смѣшанныхъ чувствъ, въ которой звучитъ и радость, и печаль. Радостно видѣть вашу бодрость и смѣлость, видѣть ваше одушевленіе и многочисленность... Радостно слиться съ вашими надеждами на лучшее будущее... Но грустно оглянуться на пережитое и на оставленныхъ друзей... Если бы хоть маленькая струйка вашего сочувствія, хоть маленькій притокъ вольнаго воздуха и свѣжихъ людей проникалъ къ намъ—намъ жилось бы легче! Но мы были оторваны всецѣло и безнадежно отъ всего дорогого и милаго, и это было, пожалуй, тяжелѣй всего...

Часто воображеніе рисовало мнѣ картину Верещагина, въ натурѣ никогда, впрочемъ, не видѣнную мною: на вершинѣ утесовъ Шипки, въ снѣговую бурю, стоитъ недвижно солдатъ на караулѣ, забытый своимъ отрядомъ... Онъ сторожитъ покинутую позицію и ждетъ прихода смѣны... Но

смѣна медлитъ... смѣна не приходитъ... и не придетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, вьется и понемногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ-подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца.

Такъ жили и мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспоминанія, которыя тускнѣли и стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣлись, изживали свою жизнь—а смѣны все не было и не было!

И мнилось, что все затихло, все замерло... и на свободѣ та-же пустыня, что и въ тюрьмѣ...

Но—нѣтъ! Мы были отторгнуты отъ жизни, но жизнь не прекратилась и шла другими многочисленными руслами... И то, что нѣкогда было сравнительно небольшимъ теченіемъ, превращается нынѣ въ бурный и неудержимый потокъ. Только стѣны были слишкомъ непроницаемы и глухи, и мы лежали, какъ мертвый камень лежитъ на руслѣ, временно покинутомъ или обойденномъ большой рѣкой...

1905 г.

